УДК 94 (47: "1830-1900")

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-19-33

***Г. Г. Попов[1], Д. Г. Сафаралиева[2]***

# Рекрутские наборы, ранняя призывная армия и распределение трудовых ресурсов в России в XIX в. К вопросу о влиянии на Россию военной модернизации

*[1] Московский институт современного академического образования; Россия, 109518, г. Москва, ул. Саратовская, 31; GGPopov2009@mail.ru*

*[2] Московский дом национальностей; Россия, 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4, строение 1; dilyarags@mdn.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается вопрос влияния рекрутских наборов и призыва в армию на развитие рынка труда в Российской империи XIX в. в контексте перехода от аграрного общества к индустриальному. Авторы сравнивают ряд регионов России, где в XIX в. действовали разные режимы привлечения мужского населения к службе в армии. Они фокусируют внимание на Финляндии и Вологодской губернии, т. к. в последней было слабо распространено крепостное право. Авторам удалось определить, что активное участие русского населения Российской империи в войнах привело к значительному замедлению формирования рынка труда и прочих социальных признаков капиталистического общества в губерниях, где преобладало русское население, в основном на примере Вологодской губернии. Кроме того, авторы считают, что колонизация окраин Российской империи также стала причиной замедления развития рынка труда в центральных губерниях России. Колонизация была частью военной экспансии всех ведущих государств XIX века.

**Ключевые слова:** военная модернизация России, Крымская война, военная история России, Россия в XIX веке.

## Введение

Проблема влияния участия России в разных войнах на ее социально-экономическое развитие, особенно на процесс перехода от полуфеодального хозяйственного порядка к капитализму, недостаточно изучена в науке. Авторы в основном фокусируют внимание на вопросе сдвигов в обществе и экономике России в период Первой мировой войны. Однако российское общество жило в условиях частичной мобилизации до 1914 г., коме кратких периодов, когда делались попытки после начала Великих реформ перейти к модели общества западного образца. Военные реформы Милютина, направленные на создание призывной армии, являлись во многом копированием французского опыта построения новых Вооруженных сил (ВС) Российской империи (РИ). Поэтому возникает вопрос: не стала ли высокая степень милитаризации России, особенно в первой половине XIX в., причиной замедления развития рынка труда и хронически недостаточного предложения рабочих рук для городской промышленности? Ответ на этот вопрос и есть цель настоящего исследования.

Из цели вытекают следующие задачи: 1) выявить, как рекрутская повинность влияла на развитие "молодого" рынка труда в России в условиях перехода от полуфеодального хозяйственного порядка к индустриальному капитализму; 2) рассмотреть различия в развитии структур занятости между отдельными регионами Российской империи, уделяя особое внимание Финляндии и колониях немцев Поволжья; 3) выявить, как при-

зыв повлиял на рынок труда и процесс распределения трудовых ресурсов между деревней и городом.

Предметом исследования является трансформация рынка труда Российской империи в XIX в., в основном во второй половине столетия. Объект исследования – рекрутская повинность и ранний призыв как факторы, влиявшие на российское общество в данный период.

Рынок труда существовал в России со Средних веков, но был сильно деформирован как крепостным правом, так и военной службой населения. Нам важно последнее.

Дефицит рабочих рук (или его отсутствие, как и избыток) мы предлагаем определять как отношение заработной платы к численности рабочих по годам в рамках конкретного периода (мы берем конец периода крепостного права и время от 1880-х гг. до начала XX в.). Чем больше это отношение, тем более ощутим для экономики дефицит рабочей силы. Выявление относительных величин есть составляющая методики историко-экономического анализа. В данном случае речь идет о выявлении средних величин для относительно длительных хронологических периодов.

Разумеется, на рынок труда оказывают влияние и другие факторы: импорт и производство сырья и полуфабрикатов, замещение труда капиталом, розничные цены на продукты питания, международные экономические кризисы и т. п. В этой связи мы рассматриваем показатели динамики численности рабочей силы и структуры занятости в таких административных единицах РИ, как Финляндия, где привлечение мужчин к военной службе было очень ограниченным [1, с. 101], а также колонии немцев Поволжья (до 1874 г. российские немцы были официально освобождены от обязательной службы в ВС РИ). Финляндию мы сравниванием с Эстонией, в которой было крепостное право, но ограниченное законодательно в 1816–1819 гг. Мы делаем это, чтобы понять, как на сферу занятости в двухблизких в аспектах культуры и этнических особенностей стран, имеющих схожие климатогеографические условия, могли повлиять разные модели привлечения мужского населения к службе в армии. Финляндию мы также сравниваем с Вологодской губернией, так как они имели схожие климатогеографические характеристики, но при этом серьезные различия в культуре. Однако в Вологодской губернии (там проводились рекрутские наборы) крепостное право не было сильно распространено, что сближает ее с Финляндией. Опыт Финляндии позволяет нам понять альтернативу социально-экономического развития России в XIX в. (при варианте, когда нет рекрутских наборов).

Работа построена в основном на статистических материалах Российской империи, прежде всего на Всероссийской переписи населения 1897 г. Также были использованы опубликованные материалы Военного министерства. Важным источником были и статистические материалы конца XIX в. по Николаевскому уезду Самарской губернии, посвященные демографии и занятости немцев Поволжья в данном регионе.

## Обсуждение

Тематика военной модернизации России стала разрабатываться сравнительно недавно, поскольку историки долгое время фокусировали внимание только на проблеме военного бюджета и налоговых изъятий в данном ракурсе. Проблема влияния привлечения мужского населения к службе в вооруженных силах на рынок труда в РИ была упущена из вида.

Полное описание вооруженных сил Российской империи в XIX веке содержит научная монография Л. Г. Бескровного [2], которая сохранила актуальность до сих, и аналогов

этой работе нет в современной историографии. Но Л. Г. Бескровный рассматривает в основном влияние общества и экономики РИ на вооруженные силы, но не наоборот.

Воздействие войн и развития вооруженных сил на российское общество рассматривает в своих работах К. В. Самохин. В одной из своих недавних научных статей он затронул влияние Крымской войны на российскую модернизацию. Однако мы не можем согласиться с некоторыми его научными положениями, в частности, с таким: "Континентальный масштаб наполеоновских войн, в которых Россия принимала активное участие, во многом повлиял на оформление экономической модернизации, связанной с началом промышленного переворота в 1830–1840-е гг. Однако он существенно замедлялся отсутствием необходимых изменений, в частности в социальной сфере, поскольку крепостное право было камнем преткновения на пути складывания рынка свободной рабочей силы. Это можно объяснить тем, что Российское государство на тот момент еще не встало перед необходимостью широкомасштабных трансформаций из-за того же континентального характера наполеоновских войн и их успешного результата для Российской империи" [3, с. 85]. Мы считаем, что замедление формирования рынка труда было затруднено не только крепостным правом, но и рядом других факторов, включая рекрутские наборы и аграрную колонизацию окраин России. Кроме того, мы убеждены, что рынок труда уже сформировался к тому времени, но был деформирован. Стремительного расширения рынка труда сразу после отмены крепостного права в 1861 г. не произошло.

Проблеме военной модернизации России уделяет внимание исследователь Ю. В. Латов, который дал отрицательную, с точки зрения влияния на экономику, оценку реформе Петра Великого [4]. Отсюда надо понимать, что вся политика развития вооруженных сил в РИ, по Ю. В. Латову, должна идти со знаком "минус" для экономики. Такое утверждение было бы справедливо для сферы труда, когда привлечение большого количества молодых мужчин к службе в армии создавало дефицит рабочих рук в ряде сегментов народного хозяйства.

Известный историк Б. Н. Миронов в своем трехтомнике про модернизацию Российской империи не рассматривает военный фактор как отдельно взятый. Вооруженные силы, по мнению исследователя, связаны с российским обществом периода империи черезв основном налоговую нагрузку на экономику [5]. Роль армии в структурировании общества им, разумеется, не отрицается.

С. А. Нефедов концентрирует внимание в своем анализе российского исторического процесса на вооруженных силах как системе, через которую инициировались институциональные и технологические изменения в России Нового времени. Правда, говоря о влиянии диффузионного фактора на развитие России С. А. Нефедов, на наш взгляд, допускает преувеличение, особенно это касается его рассуждений о периоде правления Александра I. С. А. Нефедов считает, что этот император проводил политику выравнивания прав сословий в формате своих реформ, заимствовав этот принцип у Франции с ее революционными традициями [6, с. 270]. Не отрицая влияния Франции в этом вопросе, скажем, что реформы Александра I назревали давно, и либеральные преобразования планировались Екатериной II уже в 1760-е гг. С. А. Нефедов противопоставляет Николая I Александру I, считая первого традиционалистом, внедрявшим в России, как Петр IIIи Павел I, прусскую модель государственного устройства [6, с. 270]. Однако традиционалистский проект возник у Александра I, когда произошел консервативный поворот в политике России и ряда других государств в конце Наполеоновских войн.

## Результаты

### Немцы Поволжья и русские

К 1880-м гг. сложилась определенная структура занятости немцев Поволжья, судя по районам их расселения в Саратовской губернии. По предыдущим периодам у нас очень мало данных, и по ним сложно представить структуру занятости. Промышленность, в силу особенностей немецких колоний, была в основном сельская, с небольшим количеством занятых в производстве. Сведения о численности лиц, занятых в промышленности и логистике по ряду крупных немецких колоний Нижнего Поволжья, представлены ниже в таблице.

**Таблица 1. Структура занятости немцев Поволжья по ряду крупных колоний, данные конца 1880-х гг. Составлено по [7]**

| Название колонии | Численность занятых промыслами, чел. | % от общего населения, округленный показатель (от всего населения) |
|---|---|---|
| Александерге | 71 | 6,28 |
| Альт-Варенбург | 326 | 5,82 |
| Альт-Веймар | 47 | 7,76 |
| Альт-Урбах | 78 | 4,49 |
| Базель | 75 | 3,18 |
| Беккендорф | 30 | 2,41 |
| Беттингер | 45 | 2,1 |
| Боаро | 138 | 4,14 |
| Брокгаузен | 26 | 2,6 |
| Фриденфельд | 91 | 7,48 |
| Лангельфельд | 64 | 8,77 |
| Мариенберг | 149 | 7,8 |
| Средний показатель: | ------ | 5,24 (8,16 % приблизительно от всего населения трудоспособных возрастов) |

В таблице 1 учтены как внутренние, так и отхожие промыслы. Для нашего анализа возьмем Тамбовскую губернию, как регион с климатом, близким к Нижнему Поволжью. Впервые точные сведения по структуре занятости были получены в России в целом и в этой губернии в частности в результате переписи 1897 г.

Согласно Всероссийской переписи 1897 г. сельское население Тамбовской губернии составляло 2 231 502 чел., доля занятых промыслами – примерно 5,49 % (приблизительно 8,6% от трудоспособных возрастов) [8, с. 15]. Надо учесть, что в Тамбовской губернии во второй половине XIX в. малоземелье крестьян было заметно больше, чем среди немецких колонистов.

Нам сложно судить о динамике этнически немецкого населения Нижнего Поволжья, для этого мало статистических данных. Также имела место высокая динамика миграций немцев в пределах Поволжья и всей России. На рубеже XIX–XX вв. в Саратове находилась самая большая городская община немцев Поволжья – около 5 000 человек [9, с. 26] из приблизительно 400 000 проживавших в данном регионе немцев. Были также высоки социальные риски миграции. Например, по Всероссийской переписи 1897 г. в более динамично развивавшейся Казанской губернии насчитывалось только 1 155 немцев, но при этом среди них не было ни одного крестьянина, в основном немец-

кое население этой губернии было представлено государственными служащими, интеллигенцией и предпринимателями [10, с. 29].

Городское население Тамбовской губернии составляло примерно 8 % в 1897 г. от всей численности населения [8, с. 15]. Подсчитано, что доля горожан среди всего немецкого населения составляла к концу Гражданской войны в России 14,1 % (на фоне того, что городское население РСФСР составляло в августе 1920 г. 15,77 %) [11, с. 82]. В Петроградско-Карельском районе проживали на то время только 24 225 немцев, в Центрально-промышленном районе – 10 426 немцев [12, с. 82]. Большая часть немецкого городского населения – потомки колонистов, пришедших в Россию при Екатерине II.

Таким образом, динамика миграций немцев в российские города и активность их участия в формировании там инженерно-технических, медицинских и преподавательских кадров, а также высококвалифицированных рабочих и промышленных служащих, оказались к XX в. выше, чем среди этнически русского населения, несмотря на то, что первоначально большинству немецких колонистов отводилась роль аграрного населения окраин Российской империи. Такое положение стало прямым следствием как развития начального образования в колониях, так и освобождения немецких поселенцев от рекрутских наборов. Мотивация у колонистов (с 1874 г. немцы Поволжья уже не имели статуса колонистов) мигрировать в города была ниже, чем у русских (при этом миграция последних в города из сел носила в основном характер перемещения неквалифицированной рабочей силы по причине малоземелья).

**Особый путь Финляндии**

Не такая судьба, как у немцев, была в Российской империи у финнов, первые территории которых оказались под властью Романовых в 1721 г. в результате поражения Швеции в Северной войне (район Выборга). Климатические особенности и малочисленность населения этой страны не способствовали росту ее городского населения, доля которого составила в 1910 г. 12,6 % против 6,1 % в 1880 г. [13, с. 288], что меньше, чем в целом по России. Но это неплохой результат, принимая во внимание, что во всей Российской империи в 1897 г. процент городского населения был 12,9, при этом в Черноземье этот показатель составлял 10 % [14].

На динамику численности финского пролетариата оказывала влияние эмиграция в Северную Америку, которая между 1850 и 1910 гг. составила примерно 192,5 тыс. чел. [15, с. 19]. Имел место значительный рост сельского пролетариата к 1900 г. [16, с. 43–44], все это сдерживало рост урбанизации. Однако в 1870 г. в финских промышленности, торговле и на транспорте было задействовано 11 % против 8 % в 1820 г. [17, с. 81] от всего трудоспособного населения.

Разумеется, нельзя объяснить структуру занятости только рекрутскими наборами и призывами на действительную службу. Например, в Эстонии (Эстляндская губерния) в армию только рекрутским наборам убыло около 100 000 человек в период 1796–1874 гг. Но при этом согласно переписи 1897 г. 12,27 % населения этой губернии были заняты в обрабатывающей промышленности, еще 3,01 % – в торговле и 2,99 % – на транспорте [18, с. 16]. Сказалось то, что сельское хозяйство было менее продуктивным, нежели в Финляндии, поэтому в эстонских селах получила распространение промышленность, и значительное количество эстонских крестьян занялись к концу XIX в. рыбным промыслом на Балтике. Другой фактор – большой процент грамотности среди эстонцев, который также влиял на структуру занятости, это видно и по немцам Поволжья.

И третий фактор – значительная часть земли в Эстонии исторически находилась в собственности немецких баронов.

Правда, у Эстонии была та же проблема, что и у Финляндии – массовая миграция молодого населения. В 1850 г. диаспора эстонцев составляла 30 000 человек, включая лиц, постоянно находившихся в российских губерниях, против 660 000 эстонцев, проживавших непосредственно на родине [19, с. 1159]. К 1917 г. количество эстонских мигрантов достигло 215 000 человек, но только 15 000 из них были резидентами в других государствах, остальные обосновались преимущественно в окрестностях российских городов [19, с. 1161].

Учитывая специфические особенности Финляндии, Эстонии, колоний немцев Поволжья и ряда коренных русских регионов, включая рассмотренную нами Тамбовскую губернию, целесообразно проводить сравнение социально-демографических изменений в группах регионов, объединяемых по климатогеографическому принципу. Можно сравнивать немцев Поволжья с населением Тамбовской губернии, Финляндию – с Вологодской губернией (Эстония мало подходит из-за сильного влияния на ее экономику баронского землевладения). Архангельская губерния, которая ближе к Финляндии по географическому и климатическому критериям, в XIX в. имела свою специфику: подавляющее большинство ее населения не знало крепостного права, но при этом заниматься сельским хозяйством на большей части ее территории было невозможно [20].

В отличие от Эстляндской губернии, по Вологодской губернии не был проведен учет населения по роду занятий, принималась во внимание только сословная принадлежность. Поэтому за основу мы берем численности мужского купеческого и мещанского населения, а также лиц крестьянского состояния, проживавших в городах. Массовое освобождение вологодского крестьянства фактически началось до 1861 г., к знаменитому Манифесту 18 февраля только около 20 % крестьян региона юридически считались крепостными, но при этом среди них была распространена оброчная форма зависимости [21].

По Финляндии не хватает статистических данных, так как перепись 1897 г. на ее территории не проводилась. В этой части империи велась своя статистика народонаселения, не совпадавшая по годам с общей российской. В 1920 г. численность занятых в финских промышленном производстве, торговле и на транспорте достигла 26 % [17, с. 81] от всего населения против 11 % в 1870 г. То есть этот показатель должен был в 1897 г. составлять примерно 19 %, если численность занятых в данных сегментах финской экономики увеличивалась пропорционально.

Из 1 279 810 чел. крестьянского населения Вологодской губернии в городах этого региона проживали 21 295 чел. В данной губернии проживали также 33 900 мещан, большинство из них – в городах. Купцов было очень мало – 1699 чел. вместе с членами их семей [21, с. 6–8], в отличие от финской буржуазии в которая 1870–1890-е гг. была многочисленнее.

В конце XIX в. большинство женщин из неимущих семей в северных губерниях были заняты, пусть и частично, поэтому мы собирали информацию и о женщинах из мещан, и о проживавших постоянно в городах крестьянах, наемной рабочей силы. Точных сведений по изменениям численности пролетариата Вологодской губернии для начала XX в. у нас нет, поэтому мы используем только данные Всероссийской переписи за 1897 г. Мы можем пренебречь количеством дворянства, которое в Вологодской губернии было так же малочисленным, то же самое касается купечества. Мы исходим из общей численности крестьян, постоянно проживавших в городах (21 295 чел.). Сюда же следует отнести 4006 временно проживавших в городах крестьян. Примем во внимание также, что работоспо-

собными являлись 55 % населения, отсюда следует, что около 13 900 крестьян работали (с очень большой вероятностью) по найму в промышленности, на транспорте и в сфере торговли. Что касается мещан, то занятых в этих сегментах экономики было около 18 640 чел. Таким образом, из 1 313 710 крестьян и мещан Вологодской губернии, около 2,5 % населения этого региона были заняты в промышленности, торговле и на транспорте. Это заметно меньше даже аналогичного показателя по Финляндии в 1870 г. Если принять гипотетически определенный нами показатель занятости в указанных выше сферах для Финляндии 1897 г. – 19 %, то разница составляет 16,5 %. То есть рекрутские наборы редуцировали процент занятых в основных несельскохозяйственных сегментах экономики по регионам РИ в 6,6 раза. Призывы в армию с конца 1874 г. особо не улучшили ситуацию. В отличие от государств Запада, армия РИ не стала после реформ Милютина армией свободных граждан (это было неизбежно при отсутствии конституции).

Что касается дефицита рабочих рук в России, у нас не так много статистических данных по оплате труда, т. к. сбор сведений в масштабах всей страны начал вестись после Великих реформ. Кроме того, общенационального рынка труда до конца XIX в. не существовало (он появился в результате реформ С. Ю. Витте). О ситуации в сфере оплаты труда в первой половине XIX в. мы можем судить больше по Московскому региону, а также по прилегавшим к нему губерниям, и Санкт-Петербургу.

По оценкам С. Г. Струмилина, заработная плата в Московском регионе незначительно росла в XIX в., но затем он делает акцент на статистике оплаты труда по Санкт-Петербургу, который являлся особым городом в Российской империи [23]. Тем не менее, разница между Санкт-Петербургом и Москвой и ее губернией по оплате труда была незначительной и определялась в основном локальными хлебными ценами. С. Г. Струмилин собрал наиболее точные сведения по строительным рабочим Санкт-Петербурга во второй половине XIX в., а у М. И. Туган-Барановского есть много информации об оплате труда в Московском регионе в начале того же века. Объединив сведения, полученные этими исследователями, с данными по динамике численности фабричных рабочих по всей России в 1815–1861 гг., приведенными у М. И. Туган-Барановского, мы получили соотношение динамик этих показателей (табл. 2).

**Таблица 2. Численность фабричных рабочих и оплата их труда в России. Составлено по [23, с. 149; 24]**

| Год | Оплата труда (копейки за день в ценах 1913 г., только имевшие квалификацию рабочие) | Численность рабочих, тыс. чел. (округленный показатель) | Изменение оплаты труда к численности рабочих, коэффициент |
|---|---|---|---|
| 1834–1837 | 105,33 | 330 (среднегодовая оценка для данного периода) | 0,32 |
| 1853 | 192.0 | 481 | 0,4 |
| 1854 | 212.0 | 459 | 0,46 |
| 1856 | 148.8 | 519 | 0,287 |
| 1857 | 132,1 | 513 | 0,26 |
| 1858 | 126.7 | 549 | 0,23 |
| 1861 | 186,0 | 522 | 0,36 |

Из данных таблицы видно, что наибольшая нехватка рабочих рук в промышленности испытывалась в первый год Великих реформ. Это парадоксально, если принимать во внимание, что освобождение крестьян должно было спровоцировать приток рабочих рук в города. Между 1858 и 1861 гг. заметно возрастает оплата труда, несмотря на то, что крепостное право еще не отменено для тех рабочих в промышленности, которые имели статус зависимых. Несомненно, рекрутские наборы сократили в 1850-е гг. предложение труда. Из-за быстрого роста численности рабочих в конце Крымской войны и административных мер, направленных на сдерживание увеличения оплаты труда, зарплата на сравнительно короткий период времени сократилась, но при этом прирост рабочих рук в промышленности с 1857 по 1861 гг. оказался незначительным.

**После реформ Д. А. Милютина**

Реформы Д. А. Милютина, призванные как улучшить социальное положение военных и повысить боеспособность армии, не решили вопросы больших потерь, включая в первую очередь нестроевые. ВС Российской империи превратились в активно действующие, но при этом воевали они в основном с государственными системами, которые заметно отставали от нее. Это были не Великобритания и Франция, как во время Крымской войны, а "больной человек Европы" – Османская империя, а также среднеазиатские государства. В таблице ниже приводим данные по смертности среди военнослужащих согласно данным Военного министерства, начиная с 1875 г.

**Таблица 3. Данные Военного министерства по смертности военнослужащих. Составлено по [25]**

| Год | Офицеры | Нижние чины |
|---|---|---|
| 1875 | 386 | 7287 |
| 1876 | 478 | 7727 |
| 1877 | 862 (из них убиты в бою – 165) | 31 076 (из них убиты в бою – 13 794) |
| 1878 | 1083 (из них убиты в бою – 275) | 55 576 (о том, сколько из них было убито в бою, нет достоверных сведений) |
| 1879 | 688 | 14890 |
| 1880 | 590 | 12596 |
| 1882 | 478 | 7 115 |
| 1883 | 474 | 7 148 |
| 1886 | 402 | 6187 |
| 1887 | 381 | 5415 |
| 1888 | 436 | 5776 |
| 1889 | 428 | 5608 |
| 1891 | 4 50 | 5690 |
| 1892 | 421 | 756 8 |
| 1893 | 413 | 6 018 |
| 1894 | 413 | 4968 |
| 1895 | 463 | 5374 |

Если принять во внимание, что по состоянию здоровья из армии увольнялось ежегодно примерно более 5 000 чел., то среднегодовые нестроевые потери мирного времени составляли приблизительно 12 000 чел. Большинство уволенных по состоянию здоровья были инвалидами, которые являлись неработоспособными или ограниченно ра-

ботоспособными. Нестроевые потери офицеров были большими, нежели боевые в войне с Турцией за освобождение Болгарии. Данный факт свидетельствует о тяжелых условиях жизни военнослужащих в Русской армии конца XIX в. в целом.

В результате реформ Милютина Русская кадровая армия была доведена до численности около 760–780 тыс. чел., включая казачьи формирования. Это была одна из самых крупных армий мира. К концу 1870-х гг. она была сопоставима по численности с армиями двух держав, являвшихся вероятными противниками, – Германии и Австро-Венгрии.

После армейской реформы срок службы составил в сухопутных войсках 6 лет. Это отразилось на рынке труда: в 1890 г. рабочие промышленности и транспорта составляли 1,67 % населения страны [26, с. 166], и большая их часть проживала в Московской губернии и Санкт-Петербурге. Прирост численности пролетариата составлял в России примерно 3,5 % в год (средний показатель) [26, с. 166], и это сопоставимо с ежегодным призывом в армию.

Рост предложения рабочих рук в странах Запада обеспечивался в основном за счет молодых мужчин, из которых формировались потоки миграции в города. С 1872 по 1896 гг. среднегодовой прирост населения Москвы за счет миграции составил только 29 197 чел. [27, с. 14], когда каждый год после Милютинской военной реформы в армию призывалось более 100 000 мужчин.

Главный этап формирования многочисленного промышленного пролетариата в странах Западной Европы прошел вскоре после Наполеоновских войн, поэтому Россию конца XIX в. можно сравнивать в этом смысле с Англией, Францией и Германией 1830–1840-х гг. При этом у англичан в данный процесс уже был на завершающей стадии.

Постоянная армия Пруссии насчитывала к 1848 г. около 200 000 чел. Франция имела в то время под ружьем примерно 350 000 чел. При этом в Пруссии до реформ периода канцлерства Отто фон Бисмарка продолжительность срока службы в армии фактически составляла 3 года (еще два года в резерве).

Наиболее полно статистика занятости населения и оплаты труда рабочих велась в Санкт-Петербурге, в связи с чем мы берем данные переписей в столице за основу нашего исследования соотношения оплаты труда и численности рабочих. Наиболее полно, с хронологической точки зрения, у нас представлены сведения об оплате труда строительных рабочих. Она незначительно отклонялась от общегородской средней зарплаты по Санкт-Петербургу.

**Таблица 4. Численность рабочих и оплата их труда в Санкт-Петербурге. Составлено по [28; 29, с. 25; 14; 30]**

| Год | Номинальная оплата труда | Численность рабочих, тыс. чел. | Оплата труда к численности рабочих, коэффициент (округленный показатель) |
|---|---|---|---|
| 1881 | 123 | 172,4 | 0,72 |
| 1890 | 126,6 | 218,3 | 0,58 |
| 1897 | 130 | 248,4 | 0,53 |
| 1900 | 137 | 325,1 | 0,42 |
| 1910 | 132,2 | 350,2 | 0,38 |

Цены на хлеб менялись в Санкт-Петербурге после 1861 г. незначительно. Поэтому фактором инфляции можно пренебречь. Кроме того, стоимость хлеба уже выступала фактором, определявшим в дореволюционной России объем номинальной оплаты труда.

Сопоставление данных таблицы 4 показывает, что после начала военной реформы Милютина нехватка рабочих рук в Санкт-Петербурге была ощутимой, несмотря на то, что столица империи была наиболее привлекательной для трудовых мигрантов. И только демографический взрыв в конце XIX в. изменил ситуацию.

Очень высокий коэффициент отношения оплаты труда к численности рабочих в 1881 г. указывает, что мобилизационные мероприятия периода войны за независимость Болгарии имели определенные последствия для рынка труда, как и строительство новых железных дорог в 1870–1880 гг. которые строились больше с военными, нежели с гражданскими целями.

**Экспансия империи и колонизация**

Разумеется, объяснить рост стоимости труда в России в конце XIX в. только призывами в армию нельзя. Среди других причин стоит выделить миграции, вызванные присоединением к империи новых территорий и необходимостью ускоренно осваивать те, которые вошли в состав России до 1861 г. Казачество оказалось после начала Великих реформ практически не интегрированным в новую экономику, и это было также связано с военными соображениями.

Базовой зоной заселения по направлению к Средней Азии в 1847 г. стала Семиреченская область, где в том году возникло первое поселение – станица Сергипольская, далее за 20 лет было отправлено в Семиречье от 12 до 15 тыс. колонистов [31, с. 151]. В 1877 г. численность Семиреченского казачества, включая детей и женщин, достигла 24 165 чел. [31, с. 180]. Помимо них в этом регионе было еще 13 800 крестьян [31, с. 185].

«В целом в 70–90-х гг. XIX в. наиболее интенсивно заселялись Акмолинская и Семиреченская области, а также Кустанайский уезд Тургайской, Ташкентский и Аулиеатинский уезды – Сырдарьинской, Семипалатинский уезд Семипалатинской области. К 1897 г. благодаря притоку в Казахстан более 320 тыс. мигрантов и их естественному приросту численность «европейцев» достигла 539,7 тыс., а их удельный вес поднялся до 10,9 % всего населения региона» [32, с. 16]. «По данным переписи 1897 г., в городах и селах Закаспийской области проживало более 33 тыс. выходцев из России; в Самаркандской – 14 тыс., в Ферганской – около 9 тыс. человек. Общая численность русских жителей в Бухарском и Хивинском ханствах, находившихся в вассальной зависимости от России, достигала в 1897 г. 16 тыс. человек» [32, с. 17].

Территории к северу от Семиречья назывались Степным краем. Их освоение стало возможным в результате военной экспансии России в направлении междуречья Сырдарьи и Амударьи.

Если в 1870 году Сибирское казачье войско насчитывало около 86 000 чел., то в 1897 г. этот показатель составил примерно 103,5 тыс. чел. По Уральскому казачьему войску эти показатели были: приблизительно 84 000 чел. и чуть более 114 000 чел. [33, с. 155].

Еще во время Кавказской войны Российской империей были колонизированы значительные территории к югу от реки Терек. В конце XIX в. численность русских поселенцев только в северных районах Азербайджана составила 350 050 чел. [34, с. 123]. В результате политики активной колонизации численность русских в начале XX в. на

Северном Кавказе, в Грузии и Азербайджане составила 3 760 000 чел. [34, с. 123]. В Кубанской области в это время было уже 2 598 205 колонистов и их потомков [34, с. 124]. Для сравнения: в Австралию за период 1860–1900 гг. переселилось 768 600 европейцев [35, с. 144]. Общая численность населения Австралии достигла к 1900 г. 3 765 тыс. чел. [36], и это при намного более крупной, чем у Северного Кавказа, территории, при почти отсутствующем в Австралии вооруженном сопротивлении коренного населения, и более мощной, нежели у России, экономике Великобритании. К тому же Австралия привлекла в 1860-е гг. много колонистов, т. к. были открыты месторождения золота.

Колонизация (в основном русская) продолжалась практически до Первой мировой войны. При Николае II особенно интенсивно проводилось переселение на Южный Кавказ, Дальний Восток, включая Маньчжурию, а также в Среднюю Азию. Это была преимущественно аграрная колонизация, особенно Южного Кавказа [37].

В Маньчжурии в связи с созданием КВЖД к 1914 г. проживало приблизительно 108–115 тыс. русских, из которых 40–60 тыс. чел. были связаны с сельским хозяйством [38, с. 16]. КВЖД была больше военным проектом, ставшим продолжением экспансии России в Восточной Азии.

Численность русских колонистов в Маньчжурии росла быстрее, чем в Приморье, куда за период 1858–1914 гг. прибыли 22 122 крестьянские семьи [39, с. 100], что эквивалентно примерно 110 000 чел. Была еще колонизация Забайкалья, Сахалина, Камчатки и т. д. Таким образом, рост промышленности и развитие капитализма не остановили аграрной колонизации окраин империи, которая началась еще в допетровской Руси и была необходима для военной модернизации России.

## Заключение

Войны, которые вела Россия, запустили процесс трансформации общества, что отразиось на трудовых ресурсах. Рекрутские наборы наносили больший ущерб экономике России, нежели призывная армия. Но при этом экспансия РИ, усилившаяся во второй половине XIX в., привела к аграрной колонизации периферии.

Отличительной чертой русской колонизации было то, что она была вызвана не экономическими интересами, а стремлением заселить окраины империи. В то же время трудовая миграция в города оставалась менее масштабной, нежели аграрная на периферию, несмотря на то, что оплата труда в городской промышленности была достаточно высокой вплоть до второй половины 1890-х гг.

Российская империя обладала мощной армией, но ее экономическая база была слабой. Кроме того, к XX в. сохранились казачьи войска, которые можно считать пережитком еще допетровской Руси.

Военная модернизация России в XIX в., как и военно-политическая экспансия, вместе привели к не совсем типичной для развития индустриального капитализма ситуации, когда на протяжении более трех поколений стоимость труда оставалась достаточно высокой на фоне отставания продуктивности последнего от экономик Запада.

Сравнение российских провинций, где были распространены рекрутские наборы, а затем и призыв в армию, с Финляндией показывает, что была альтернатива ("финская альтернатива"), если бы официальный Санкт-Петербург снизил военную активность и перешел к прусской модели армии образца середины XIX в.

"Финская альтернатива" показывает нам также, что климат и география не являлись столь серьезными препятствиями для становления и развития капитализма. Таким образом, войны Российской империи были одной из причин замедления процесса формирования рынка труда в стране и соответственно – капиталистического хозяйства.

**Литература**

1. Лапин, В. В. Финляндия в военной системе Российской империи / В. В. Лапин // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. – С. 98–120.

2. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. / Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973. – 616 с.

3. Самохин, К. В. Крымская война как фактор изменения ментальных установок российского социума во второй половине XIX века: модернизация или протомодернизация (методологический анализ) / К. В. Самохин // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 2. – С. 82–89.

4. Латов, Ю. В. Петровская модернизация – «военное чудо» вместо «экономического чуда»? / Ю. В. Латов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 2. – С. 62–81.

5. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. – 3-е изд., испр. / Б. Н. Миронов – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. – 912 с.

6. Нефедов, С. А. История России: факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции / С. А. Нефедов. – М.: Территория будущего, 2010–2011. – 685 с.

7. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Николаевский уезд. Т. VI. – Самара: Изд-е Самарского губернского земства, 1889. – 889 с.

8. Тройницкий Н. А. (ред.). Тамбовская губерния Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 42. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 286 с.

9. Герман, А. А. Немцы Поволжья: краткий исторический очерк / А. А. Герман, И. Р. Плеве. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. – 131 с.

10. Крапоткина, И. Е. Численный состав и профессиональная занятость немецкого населения Казанской и Вятской губерний по результатам Всероссийской переписи населения 1897 г. / И. Е. Крапоткина, Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-2. – С. 25–33.

11. Фёдоров, А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Центрального промышленного района) / А. Н. Фёдоров // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, №. 1. – С. 69–86.

12. Дизендорф, В. Историческая демография немецкого населения России и СССР (XVIII – начало XXI в.) / В. Дизендорф. – Роттенбург, 2010 – 241 с.

13. Bairoch, P. Factors of Urbanisation in the Nineteenth Century Developed Countries: A Descriptive and Econometric Analysis / P. Bairoch, G. Goertz // Urban Studies. 1986. № 23 (4). – Pp. 285–305.

14. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина; А. Г. Рашин. – М.: Госстатиздат, 1956. – 356 с.

15. Rasila V. Torpparikysymyksen ratkaisuvaihe: Suomen torpparikysymys vuosina 1909–1918: Yhteiskuntahistoriallinen tutkimus. The solution of the Finnish crofter problem. Suomen Historiallinen Seura. – Helsinki: Kirjayhtymä, 1970. – 416 p.

16. Sakari, A. R. State and Revolution in Finland / A. R. Sakari. – Leiden, London: Brill, 2018. – 320 p.

17. Manninen P. Selvitys Suomen elinkeinorakenteesta ja sen tutkimuksesta 1820–1970. Pehmeäkantinen Tietokirja Vuodelta. 1976. No. 1. Helsinki. – 100 p.

18. Тройницкий Н. А. (ред.). Эстляндская губерния Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 49. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – 152 с.

19. Tammaru, T. The Formation and Development of the Estonian Diaspora / T. Tammaru, K. Kumer-Haukanõmm, K. Anniste // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36, no. 8. – Pp. 1157–1174.

20. Бернштам, Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства / Т. А. Бернштам. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 174 с.

21. Цинман, А. З. Кризис помещичьей системы хозяйства в Вологодской губернии в первой половине XIX века / А. З. Цинман // Материалы по истории местного края. – Вологда, 1967. – С. 101–136.

22. Тройницкий Н. А. (ред.). Вологодская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 7. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1901.– 62 с.

23. Струмилин, С. Г. Оплата труда в России / С. Г. Струмилин // Плановое хозяйство. 1930. № 7–8.– С. 135–161.

24. Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский. – М.: Наука, 1997. – 565 с.

25. Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства (1858–1912). – СПб.: Типография Либермана, 1858–1912. – 387 с.

26. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 3 т. / Г. М. Кржижановский (отв. ред.). – 3-е изд. – М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 2, ч. 2. – 426 с.

27. Вернер И. А. (ред.). Современное хозяйство города Москвы. – М.: Московское городское управление, 1913. – 654 с.

28. Бородкин, Л. И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? / Л. И.Бородкин // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: сб. статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 331–355.

29. Янсон Ю. Э. (ред.). Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Т. 1. = St. Pétersbourgd'aprèslerecensementdu 15/27 décembre 1890. – СПб.: Типография Шредера, 1891. – 484 с.

30. Тройницкий Н. А. (ред.). Россия. Министерство финансов. Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 2. – СПб.: Паровая типография Н. Л. Ныркина, 1906. – 605 с.

31. Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета ген.-адьютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства: = Проект всеподданнейшего отчета генерал-адьютанта К. П. Ка-

уфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 нояб. 1867 – 25 марта 1881 г. – Санкт-Петербург: Военный ученый комитет Главного штаба, 1885. – 503 с.

32. Чибров, И. В. Русская колонизация Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. / И. В. Чибров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, №. 4. – С. 14–17.

33. Южакова, Т. Л. Динамика, состав и расселение русского сельского населения Степного края во второй половине XIX – начале XX в. / Т. Л. Южакова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №. 9. – С. 151–158.

34. Магомедова, Р. М. Переселенческий процесс на Северном Кавказе во второй половине XIX века / Р. М. Магомедова // Мировая наука. 2022. № 9 (66). – С. 120–124.

35. Каневская, Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. / Г. И. Каневская // Россия и АТР. 2013. № 1 (79). – С. 142–147.

36. Австралия в 1788–1901 годы. – URL: //http://geohyst.hrono.info/node/3394 (дата обращения: 01.12.2024).

37. Исмаилова, А. М.-К. Переселенческая политика царского правительства на Южном Кавказе в XIX – начале XX в. / А. М.-К. Исмаилова // Проблемы востоковедения. 2019. № 3 (85). – С. 26–33.

38. Белоглазов, Г. П. На чужих полях. Из истории русской гражданской земледельческой колонизации Маньчжурии в начале XX в. / Г. П. Белоглазов // Россия и АТР. 1998. №. 1. – С. 13–18.

39. Экарева, И. Л. Из истории колонизации России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке / И. Л. Экарева // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1. – С. 95–103.

*Поступила в редакцию 10 августа 2025 г.*
*Принята 15 сентября 2025 г.*

UDC 94 (47: "1830–1910")

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-19-33

## Recruiting, Early Conscription Army, and the Distribution of Labor Resources in Russia in the 19th Century. The Impact of Military Modernization on Russia

***G. G. Popov[1], D. G. Safaralieva[2]***

*[1] Moscow Institute of Modern Academic Education; Russia, 109518, Moscow, Saratovskaya st., 31; GGPopov2009@mail.ru*

*[2] Moscow House of Nationalities, Russia, 107078, Moscow, Novaya Basmannaya st., 4, building 1; dilyarags@mdn.ru*

**Abstract.** This study examines the impact of military recruitment and conscription on the development of the labor market in the 19th – century Russian Empire in the context of the transition from an agrarian to an industrial society. The authors compare several Russian regions, where in the 19th century different regimes for attracting the male population to serve in the army were used. They focus on Finland and Vologda provinces, since serfdom was poorly spread in the latter. It is emphasized that the active participation of the Russian population in the wars of the Russian Empire led to a significant slowdown in the formation of the labor market and other social characteristics of capitalist

society in the provinces where the Russian population prevailed, but the authors limit themselves mainly to the example of Vologda province. In addition, the authors state that the colonization of the outskirts of the Russian Empire was also a factor in slowing down the development of the labor market in the central provinces of Russia. Colonization was a part of the military expansion in all the leading states of the 19th century.

**Keywords:** military modernization of Russia, Crimean War, military history of Russia, Russia in the 19th century.

*Received 10 August, 2025*
*Accepted 15 September, 2025*